

1. Восстание подавлено. Что дальше?

В конце 1944 года немцы с огромной жестокостью подавили Варшавское восстание. Оставшиеся в живых бойцы оказались в концлагерях, были вывезены на принудительные работы в Германию, многие просто расстреляны среди развалин польской столицы. Уцелевшее мирное население – стариков, женщин и детей – оккупанты развезли по городам и местечкам Польши, здоровых мужчин – около 90 тысяч – угнали на работы в рейх.

До войны в Варшаве было свыше миллиона жителей, после 17 января 1945 года, дня освобождения столицы, – не более одной тысячи.

Но репрессии касались лишь рядовых участников восстания. Главари успели скрыться. Хотя пять польских генералов во главе с Коморовским и группа старших офицеров отмаршировали в немецкий плен. Скрывшись среди мирного населения, ускользнул из разрушенного города заместитель “Бура”-Коморовского генерал Окулицкий. Он решил присоединиться к тем, кто продолжал борьбу с врагом в составе партизанских отрядов.

Авантюра лондонских поляков, устроивших Варшавское восстание, провалилась. Это стало совершенно ясно уже через несколько дней после его начала. Однако деятели из лондонского “польского гетто” не желали признавать поражения и крушения своих честолюбивых планов. И пока восстание ещё шло, “польский Лондон” продолжал надеяться на его успех.

Именно поэтому правительство Миколайчика 29 августа 1944 года выпустило специальный меморандум. Он на следующий же день был передан послу СССР при эмигрантских правительствах В. Лебедеву, а также англичанам и американцам. В меморандуме на четырёх страницах предсказывалось, что после освобождения Варшавы наступит реконструкция правительства по формуле “4+1” (четыре партии проправительственной лондонской коалиции и пятая – Польская рабочая партия).

Это реконструированное правительство после победы – скорой польской победы! – подготовит выборы в сейм и в самоуправление. А затем сейм выработает новую демократическую конституцию и произведёт выборы президента. Там же говорилось и о реорганизации системы управления Вооружёнными силами Польши, об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом и способах урегулирования польско-советских дел. Словом, всё как у больших.

В основном вопросе – о восточной границе – меморандум формулировал следующую позицию: “В Польше на востоке остаются главные центры культурной жизни и сырьевые районы, необходимые для экономической жизни

Польшу". Но окончательным решением проблемы польско-советской границы займётся, мол, будущий сейм.

Возможная реализация данной формулы означала бы ревизию границ, установленных рижским договором 1921 года, но лондонских эмигрантов это не волновало. По их плану в Польше оставались бы Вильно, Львов и борисовские нефтерайоны – всё то, что давно уже находилось в составе СССР.

Это было политической программой лондонцев, не желавших отказываться от своих претензий на власть в стране.

Теоретически всё выглядело прекрасно, очень патриотично и красиво, но в августе 1944 года, когда Красная армия подошла к Висле, это было просто несерьёзно. Подобная позиция, да и само такое правительство – лондонское в большинстве – Москву совершенно не утаивало.

То же относилось и к границе. Сталин неизменно оставался на принципах границы по "линии Керзона", как и было решено на Тегеранской конференции. Эта линия должна была стать основой для проведения новой границы. Естественно, что меморандум лондонских эмигрантов был отброшен и советским правительством, и ПКНО – Польским комитетом национального освобождения – на заседании 15 сентября 1944 года.

Польскому Лондону надо было найти ответственных за разгром восстания. Военных трогать не следовало – они все были героями. Искать надо было, прежде всего, среди политиков. И здесь на прицеле оказался сам премьер-министр эмигрантского правительства Миколайчик. Свои же лондонцы обвинили его в "политике капитуляции" перед Москвой. Он ответил соратникам весьма жёстко: "Если не наступит улучшения польско-советских отношений, они могут наступить без нас". Видимо, что-то начало проясняться в его голове...

И добавил, что все, в том числе и поляки, должны считаться с тем фактом, что в идущей войне Россия оказалась победителем, и "...если кто-то называет это капитуляцией, то одновременно он должен считаться с тем, что с Советской Россией нам как народу нужно будет жить и сотрудничать, и это реальность, которой мы не хотим видеть". И заключил тоном, полным иронии: наблюдая некоторых лондонских поляков, можно подумать, что "они хотели бы поехать в Польшу на готовое или же оставаться в эмиграции".

Среди тех, кто обвинял Миколайчика в капитуляции, был и главный вождь, генерал Соснковский. 14 сентября 1944 года он писал генералу Андерсу (который тоже находился уже почти месяц в Лондоне, и писать что-то было совсем не обязательно, можно было и пешком дойти. Но ведь для истории должен быть оставаться документ!.. Соснковский очень об этом заботился, считая себя фигурой исторической), что "Пан Миколайчик будет продолжать свою политику капитуляции". Англичане же "не только стопроцентно поддерживают Миколайчика, но и инспирируют его покорную политику по отношению к Советам". А сейчас следует избегать всего, чтобы не быть впихнутыми в советские объятия. И он не исключал, что, если "настоящая английская политика будет продолжаться, наступит острый конфликт между польским пониманием и английскими государственным интересами".

5 октября 1944 года Черчилль и Иден отправились в Москву. Англичане предупредили Миколайчика, что его в любой момент могут пригласить в советскую столицу. Так и получилось.

Сталин и Черчилль без труда договорились, и 12 октября в Москву прилетел Миколайчик. Накануне, 11 октября, в Москву прибыли Берут и Грабский – представители "люблинского" правительства.

В польском Лондоне считали, что основой переговоров должен стать меморандум от 29 августа. Поляки имели много встреч между собой, со Сталиным и англичанами. Но уже 13 октября Миколайчик понял, что меморандум от 29 августа ввиду пограничных вопросов и отсутствия упоминания о ПКНО для Кремля неприемлем.

А из выступления Молотова поляку стало ясно, что в Тегеране президент Рузвельт "совершенно согласился с линией Керзона". Англичане при этом не протестовали, не сделал этого и присутствовавший при переговорах американский посол Гарриман (в письме к Гарриману от 17 октября Миколайчик назвал информацию Молотова "потрясающей неожиданностью").

Черчилль несколько раз высказывался по поводу "линии Керзона", которая, по его мнению, соответствовала обоснованным претензиям Советского

Союза и в соединении с польскими приобретениями на западе и севере страны давала возможность создать основы “для солидного и настоящего государственного здания, в котором польский народ сможет жить и развиваться в безопасности, благосостоянии и свободе”.

Вернувшись в Лондон, Миколайчик сообщил членам своего правительства, что “в вопросе наших восточных границ мы стоим перед общим фронтом великих держав. И ни одно из них и пальцем не пошевелит в защиту наших прав на востоке”. В конце он заявил: “Перед нами голая действительность. Без признания линии Керзона и формального уважения ПКНО невозможно уложить польско-советские отношения”. В случае же согласия на линию Керзона, имеется возможность получить гарантии Англии и СССР по вопросу присоединения к Польше Восточной Пруссии (без Кёнигсберга), Данцига, Щецинского Поморья по Одеру и дальше на юг земель, расположенных вдоль Одера, а также всей Силезии.

По мнению Черчилля, отказ от признания линии Керзона будет “убийством для правительства, народа и его независимости. И гражданская война не даст никаких шансов для лондонских поляков, поскольку люблинский комитет имеет за собой Красную армию”. Это была весьма правильная и трезвая оценка ситуации. Позиция англичан на тот момент была хорошо известна: польские иллюзии о вооружённом вмешательстве Англии Черчилль решительно отметал.

Миколайчик ясно понял и попытался довести до сознания членов эмигрантского правительства мысль о том, что после московской конференции “следует считать исключённым любой компромисс со стороны Москвы, более удобный, чем линия Керзона. И Запад здесь не поможет”.

И далее подчеркнул, что “альтернатива противопоставления российским требованиям, опираясь только и исключительно на легальность эмигрантского правительства, является совершенно нереальной”.

Миколайчик ещё 24 ноября 1944 года, сразу же после поражения варшавского восстания, вышел из состава эмигрантского правительства, не разделяя мнения последнего о невозможности компромисса с СССР и уступок по вопросу о границе. Вместе с ним ушло в отставку и прежнее правительство. Однако существует мнение, что Миколайчик сделал это по настоятельному совету Черчилля, который, планируя дальнейший политический расклад, якобы сказал ему: “Мне нужен свой человек в будущем польском правительстве”.

Лондонские поляки 29 ноября 1944 года создали новый кабинет министров во главе с предвоенным заместителем министра иностранных дел Арцишевским. Его в своё время доставили из Польши, где он скрывался в глухой деревне, и держали наготове. Как говорится, на “скамейке запасных”. Теперь и он пригодился – старичок, извлечённый из нафталина. Англичане, как всегда, были предусмотрительны.

Однако времена изменились, и кабинет Арцишевского правительство Черчилля практически не принимало всерьёз. Ни самого премьера, ни членов его правительства высшие английские чиновники не удостоивали аудиенциями. Англичане имели дело только с польским послом, и то по старой памяти. Хотя формально относилось к польским министрам вполне лояльно: снабжали продовольственными талонами, табаком, ордерами на одежду и обувь. Уменьшавшееся с каждым днём значение поляков-эмигрантов явно показало Москве, что надо решать судьбы членов подпольного правительства в Польше.

Позиция же английского правительства по польскому вопросу была выражена в те дни с беспримерным цинизмом одним из крупных чиновников. 17 ноября мистер Дарбин, ближайший сотрудник вице-премьера Англии К. Этли, сказал “совершенно доверительно” одному из польских эмигрантских чиновников: “Дело Польши – дело проигранное. Англия и Америка не сделают ничего, чтобы противостоять требованиям СССР, касающимся Восточной Европы. Линия англо-советского конфликта лежит в Германии. Всё, что находится восточнее Германии, англосаксов сегодня не интересует и не может интересовать”. Польша всегда была для Европы разменной монетой. Не очень крупной, но зато – весьма звонкой...

А характеризуя политику Черчилля, англичанин добавил: “С присущими британцам лицемерием и ханжеством мы придумаем какую-нибудь формулку, которая оправдает нас перед нашей собственной совестью в отношении Польши”. Он подчёркивал: “Польша находится в зоне советских интересов,

и англische так долго, как это будет необходимо для сохранения хороших отношений с СССР, ничего не предпримут, чтобы поправить положение Польши и поляков”.

В руководстве СССР советско-польская граница 1939 года, установленная на основе этнического принципа, рассматривалась как незыблемый постулат всей концепции отношений с будущей Польшей. С этой границей связывались как проблема послевоенной безопасности обеих стран, так и внутренней стабильности Польши. Из этого следовала и неизменность позиции Сталина по польскому вопросу: СССР нуждается в сильном, однопольском и дружественном СССР польском государстве.

Говоря о дружественной Польше, Сталин имел в виду не только и не столько простое добрососедство, но изменение спектра политических сил в польском правительстве, удаление от власти непримиримых антисоветских и крайне правых деятелей и допуска к власти коммунистов.

Для Запада партнёрские отношения с Москвой были приоритетны. Польша, конечно, была важным звеном в их международной политике, но общие интересы антигитлеровской коалиции были важнее. И потому Запад тщательно избегал всего, что могло привести хотя бы к небольшому конфликту с СССР. Поэтому он постоянно оказывал давление на Польшу, добиваясь уступок Сталину, считая обоснованным стремление советского руководства обеспечить безопасность западных границ СССР после войны.

В связи с этим западные политики и поддерживали идею превращения Польши в однопольское государство между линией Керзона и Одером.

Всё это прекрасно понимал Сталин, понимали в Москве, но кто из поляков это мог понимать? Новый премьер Арцишевский, явно не оценив сложившейся ситуации, 15 января 1945 года вещал, представляя точку зрения своего кабинета: “Ни одно польское правительство не может и не примет навязанных ему односторонне границ или формы правления”. Однако он не знал, что ещё 3 декабря 1944 года Черчилль сообщил Сталину, что сделает всё, что в его силах, чтобы деятельность правительства Арцишевского “не угрожала единству союзников”. Как с горечью констатировал известный польский историк генерал Кукель: “Появилась (для правительства) опасность изоляции”.

2. Армия Крайова – мнимый союзник

По подсчётам исследователей, всего в годы Второй мировой войны на польской земле действовало 90 советских партизанских отрядов и групп общей численностью около 20 тыс. человек. По польским источникам известно, что весной 1943 года в партизанских отрядах Украины было около тысячи бойцов-поляков. В апреле 1944 года в партизанских отрядах Белоруссии сражались около 700 поляков.

Были и отряды Армии Крайовой. Как правило, эти отряды придерживались провозглашённой эмигрантским правительством Польши тактики выжидания в отношении гитлеровцев, уклоняясь от организации совместных боевых действий. Особенно обострились отношения между отрядами АК и советскими партизанами, действовавшими в Белоруссии в районе озера Нароч, во второй половине 1943 года, часто перерастая в вооружённые столкновения.

Отношения советской стороны с польским эмигрантским правительством становились довольно сложными. Это определялось тем, что советская помощь польскому освободительному движению оказывалась вопреки желанию польского эмигрантского правительства, которое, заключив 30 июля 1941 года соглашение с СССР о взаимном оказании помощи в войне против гитлеровской Германии, почему-то считало, что боевые действия в Польше могут вести только подчинённые ему отряды.

Провозгласив тактику выжидания, лондонское эмигрантское правительство через свой печатный орган “Информационный бюллетень” постоянно выступало против партизанской борьбы в Польше, объявляя призывы к борьбе с оккупантами “вредной агитацией Коминтерна”, “советской диверсией” и т. д.

В мае 1942 года оно даже направило протест советскому правительству в связи с тем, что советские самолёты доставляли группы организаторов партийной работы и партизанской борьбы, рации, оружие и другие материалы польскому освободительному движению, руководимому ППР.

Самое активное участие в польском партизанском движении принимали советские граждане – бывшие военнопленные. Всего из гитлеровских лагерей на территории Польши бежали более 65 тысяч советских граждан. Правда, в тяжёлой обстановке многим из них не удалось спастись, и они снова попали в руки гитлеровцев. Значительная часть бежавших из плена советских людей связывалась с представителями подпольных демократических групп, вступала в их боевые организации, создавая партизанские отряды самостоятельно либо присоединяясь к вооружённым отрядам Армии Крайовой.

По неполным данным, до весны 1944 года в польском партизанском движении участвовали до 7 тыс. советских граждан, из них 6 тыс. сражались в отрядах Гвардии Людовой и Армии Людовой и около тысячи – в отрядах Армии Крайовой и Батальонах Хлопских.

По лесам бродили и польские отряды. К советским партизанам они относились нейтрально. Лояльность их была вызвана главным образом уважением к советскому оружию. Иногда, используя удобный момент, они уничтожали группы партизанской разведки. Так, на Любельщине, в районе Старой Гуты, бесследно исчезла группа разведчиков отряда Ковпака во главе с её командиром Гомозовым. И только через пять месяцев удалось установить, что советских партизан ещё осенью 1943 года убили аковцы под командованием некоего Вуйко, прибывшего из Лондона. Задержать его не удалось – он предусмотрительно и благоразумно скрылся, узнав о приближении отряда Ковпака.

По-разному относились к советским людям в польских партизанских отрядах. Были и случаи расстрела советских граждан в отрядах АК. Трудно точно сказать, какие мотивы лежали в основе этих действий, совершались ли они с ведома польского эмигрантского правительства и указаний высшего командования Армии Крайовой или это было позицией местных командиров АК.

Среди членов подпольных отрядов велась усиленная пропаганда идеи восстановления Польши в границах до 1939 года, а нередко – и 1772 года, упоминаются “польские” Смоленск, Минск и Киев, говорится о “Польше от моря до моря”. Политика Польской военной организации по отношению к советским партизанам, вначале подчёркнуто благоприятная на словах, в дальнейшем, по мере продвижения наших частей по бывшей польской территории, изменилась, принимая всё более и более откровенные формы, вплоть до своего логического завершения – открытого сотрудничества с немцами в борьбе против всего советского.

При этом заверения в дружбе с нашими партизанами ни в коей мере не мешали польским националистам придерживаться лозунга “Вооружаться, организовываться, выжидать”, лишь изредка проявляя свою прыть в никчёмных актах саботажа. На партизанские предложения о совместных боевых операциях против немцев они отвечали отговорками, ссылаясь на отсутствие указаний своего центра. Имея солидные запасы вооружения (в частности, сохранённого при разоружении двух польских полков в 1939 году в районе озёр Нароч и Свирь), с партизанами им не делились, предлагая иногда помощь продовольствием и обещая разведывательные данные.

Впоследствии Варшавским центром была категорически запрещена передача нашим партизанам каких-либо сведений о мероприятиях оккупантов, а польские военные формирования не должны были базироваться вблизи наших бригад. В то же время рекомендовалось использовать, где это допускается обстоятельствами, видимость дружеских отношений с партизанами с целью получения из них оружия и для ознакомления с партизанскими мероприятиями и указаниями советского командования с расчётом внедрения к партизанам своей агентуры для разложения, террора и диверсий.

Лондонским центром были даны и стали активно выполняться указания о замаскированной агитации среди населения против Советов, партизан, колхозного строя, о создании различными путями недовольства партизанами, в частности, путём грабежей и бесчинств под видом партизан.

Членом организации, находящимся на административных постах у немцев, поручено было провести учёт коммунистов, умело, тактично убирать их, скомпрометировав перед немцами. Когда таким образом в Дуниловичском районе были расстреляны 30 коммунистов и им сочувствующих, агенты организации перед партизанами мотивировали этот факт связью расстрелянных с гестапо, а перед немцами – принадлежностью своих жертв к партизанам.

Активно распространялась подпольная газета “Неподлеглость” (“Независимость”), редактируемая неким Барковским и выходившая 1-2 раза в месяц. Газета изобиловала статьями с критикой действий советских партизан, с угрозами в их адрес, с высказываниями на тему освобождения Польши с помощью Англии “из-под немецко-большевистского ига” и т. д. Помещая портреты Гитлера и Сталина, газета даёт подпись: “Враг №1” и “Враг №2”.

Ксёндзы вели усиленную антисоветскую пропаганду среди населения, в основном сельского. А в польских деревнях ксёндз всегда был большой силой и авторитетом. В Полесье, в селе Старая Гута ксёндз пан Адам, бывший польский офицер, спрятавшийся под сутаной и державший около себя под видом монахов своих бывших подчинённых, закатив глаза к небу, проповедовал с амвона:

— Нех москали бьют германа! А мы будем возносить молитвы пану Езусу и дожидать того божьего дня, когда польская армия придёт и освободит земли Речи Посполитой от врагов.

Ксёндз просто в очередной раз озвучил старый и испытанный польской приём — устроить заварушку, а при малейшей опасности удрать “до лясу”. Пусть себе воюют москали и германцы, а они — умные поляки — будут время от времени выглядывать из кустов и ждать подходящего момента.

14 июля 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов о разоружении польских вооружённых отрядов, подчинённых эмигрантскому правительству Польши. Как было сказано в директиве: “Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной армии”.

Поэтому решение советской Ставки в отношении мнимого союзника было достаточно определённым и жёстким: “Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. Немедленно по обнаружении личный состав этих отрядов разоружать и направлять на специально организованные пункты сбора для проверки.

В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении них вооружённую силу.

И. Сталин”.

3. “Добывайте себе оружие сами!”

Ещё до начала Варшавского восстания лондонские поляки подготовили (05.5.44 г) специальные указания по вопросу военного сотрудничества с СССР. Там, среди прочего, чётко определялось: “Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что, не имея достаточно сил (для борьбы) на два фронта, мы должны соединиться с одним врагом для победы над вторым. Но имеются условия, при которых мы можем быть в союзе с Россией для уничтожения врага №1 — немцев. Это есть незыблемость наших границ и нашего строя. Если условия будут соблюдены, может создаться атмосфера военного сотрудничества, проявление которого имело место на Волыни.

Тогда, когда Советы под влиянием отношений с союзными народами и под влиянием англосаксов откажутся от своих империалистических стремлений, возможно, придёт время военного сотрудничества на основе равного с равным.

Резюмируя, можно сказать, что при определённых условиях мы готовы к сотрудничеству с Россией в военных действиях, но отмежевываемся от неё политически. Ни совместный враг, ни совместный союзник не могут преодолеть существующей идеологической разницы, вековой разницы политического мировоззрения, которая приобрела ярко выраженную форму во время войны в политике советов как в период 1941 г., так и после 1943 г. (срыв отношений)”.

Эти указания были распространены среди руководства АК в Варшаве ещё до начала восстания. Читая их, невольно задаёшь себе вопрос: почему нормальный поляк, даже хороший и честный человек, патриот, начав заниматься политикой, мгновенно превращается в классического идиота?

Хотя и практическая хитрость, несмотря на полную дурость подобного меморандума, лондонских поляков не оставляла. Далее они требуют:

“Но всё же нельзя снижать военного напряжения в борьбе с немцами. Нельзя нам подзадоривать союзников против советско-политических методов,

нельзя явно высказывать надежду на вооружённый конфликт между Советами и союзно-англосаксами под конец розыгрыша войны в Европе. В каждом выступлении против советской политики опираться только на жизненные факты их проявлений и трезвые оценки, регистрацию тех фактов без нервирования, ругани и противоречий, что укрепляет наше положение и даёт образ политической зрелости”.

Об отношении Армии Крайовой к русским партизанам ясно сказано в краткой справке Военного совета 1-го Белорусского фронта от 11 ноября 1944 года:

“Показания русских военнопленных-партизан, перешедших линию фронта 28.10.44 в районе Хотча-Гурна.

Бывший майор Цибульский Н. А., начальник штаба 10-й партизанской бригады, показал:

“С начала июля 1944 года я находился в отряде АК, за это время мне неоднократно приходилось слышать разговоры русских – бывших военнопленных, бежавших из немецкого плена и попавших в отряды АК, – о расстрелах русских в АК. При моём побеге из лагеря я был связан с поляком “Стефаном” (из отряда АЛ), который предупреждал меня, что, если я один или с небольшой группой попаду в отряд АК, то у меня отберут оружие и расстреляют.

Отряд майора Романа насчитывал до 600 человек, в составе которых имелось до 70 русских, образовавших отдельную группу. Эта группа добывала себе оружие исключительно в боях с немцами, несмотря на то, что в отряде имелось оружие.

Майор Роман заявлял: “Ваша страна богата, пусть она снабжает и вас оружием, а если вы его не получаете, то идите на шоссе и добывайте оружие сами”.

Роман держал группу русских в своём отряде только за её храбрость и хорошее выполнение заданий.

В разговоре со мной Роман заявил: “У меня имеется приказ маршала Сталина о том, что всех русских надо направлять на восток”. В связи с уходом он хотел отобрать оружие у небольшой группы русских. После того, как они отказались его сдать, Роман собрал специальное совещание польских офицеров, которое решило обязательно изъять оружие у русских.

При нашем уходе из отряда Романа несколько поляков (“Ваценк”, “Домадай”, “Грофф”) хотели уйти с нами. “Вацека” Роман грозил расстрелять, но, учтя его заслуги как разведчика, оставил в живых, издевательски гонял перед строем два часа, а потом дал 15 суток строгого ареста. Остальные были куда-то уведены и, наверное, расстреляны.

18.8.44 г. в боях с эсэсовцами и жандармерией в районе Рачково группа русских была поставлена на самом ответственном участке, однако оружия не получила и была вынуждена добывать его в бою, в результате чего понесла большие потери. В этом бою принимало участие 200 поляков отряда АК. Они потеряли 7 человек убитыми и ранеными, и 30 русских, которые потеряли 5 человек убитыми и ранеными”.

Самородов М. А., командир роты отряда “Победа”, показал:

“Из разговора с командиром взвода моей роты Карпухиным, который в 1943 году был в отряде АК подпоручика “Шарый”, мне известно, что в этом отряде была группа русских в количестве 14 человек, бежавших из немецких концлагерей. По приказанию “Шарого” эта группа была отправлена из отряда якобы на восток. После “ухода” русских их одежда оказалась на солдатах АК из отряда “Шарого”.

Царёв А. А., командир роты отряда “Победа”, показал:

“В январе-феврале 1944 г. я находился в отряде АК “Шарого”. В это время в отряде русских, кроме меня, не было. Я был подвергнут продолжительному испытанию, в ходе которого получил ответственное задание. После этого меня стали допускать к лагерю отряда, однако оружия не доверяли.

В мае-июне 1944 года я встречался с большим количеством русских, бежавших из немецкого плена, и все они заявляли, что, если попадали в отряды АК и имели оружие, то АК немедленно отбирало у них оружие.

В июне 1944 года командир 3-й роты 11-й партизанской бригады Гадиров был до полусмерти избит солдатами АК отряда “Бараболина” за то, что не хотел сдать оружие. 21 чел. русских, бывших вместе с Гадировым, были разоружены.

Будучи командиром небольшой группы партизан, 18-20.5.44 я послал своего доктора Аркадия Гаспарьяна забрать гранаты в районе Коньска. На пути возвращения в свой отряд он был пойман солдатами АК, которые избили его и отобрали гранаты”.

Карпухин А. М., командир взвода отряда “Победа”, показал:

“С августа 1942 г. по август 1944 г. я находился в отрядах “Шарого” и “Понурого”. В отряд АК я был принят по ложным документам и только поэтому остался в нём. В 1943 году в отряде “Понурого” группы русских раздевались солдатами АК и уводились в неизвестном направлении. Так, например, группа в 12 чел. грузин во главе с капитаном были уведены из Скаржинского леса; 4 из них бежали, а остальные были раздеты и, как стало известно впоследствии, расстреляны.

Офицеры АК заявляли, что русские якобы отправлены на восток.

Подобные случаи имели место в отрядах “Шарого”, “Нурта”, “Марьянско-го”, “Бучинского”. В отряде “Шарого” в начале апреля 1944 года поручик “Блядый” отобрал оружие у 26 человек украинцев и отправил их якобы тоже на восток. Сам “Шарый” в мае 1944 года разоружил 6 чел. татар и отправил их из отряда.

В лесах я часто обнаруживал трупы расстрелянных, которые по внешнему виду были похожи на русских военнопленных.

В 1942-1943 гг. в Скаржинских и Направских лесах можно было найти группы убитых русских, по 2-3 трупа.

В июле 1944 года в отряде АК были убиты русские по кличкам “Василий”, “Михаил”, “Герман”, “Николай”.

Какие-либо разговоры или агитация о Красной армии в отрядах АК строжайше преследовались, а тот, кто был уличён, немедленно изгонялся из отряда”.

4. Миссия “Фрестон”

На начало февраля 1945 года была намечена вторая встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Готовилась она в большой тайне. Местом встречи, по настойчивому желанию Сталина, был выбран Крым.

Советский Союз располагал свободой действий на освобождённых территориях. Но англичане не были бы собой, если бы и тут не постарались вмешаться.

Англичане по-своему готовились к этому событию. И – задолго.

Ещё 2 ноября 1944 года английский посол Керр вручил ноту В. Молотову. В ней сообщалось о решении направить в Польшу миссию из шести английских офицеров для обеспечения контакта с подпольем, подчинённым эмигрантскому правительству.

Представитель СССР на освобождённых тогда польских землях генерал-полковник Н. А. Булганин расценил ноту Керра как попытку “нажать на Советское правительство по польскому вопросу” и предлагал “принять меры к тому, чтобы не дать англичанам достигнуть поставленной цели и сохранить свободу рук Красной армии в отношении вооружённых сил Армии Крайовой на территории Польши после изгнания оттуда немцев”.

Реакция же Молотова была более жёсткой: “Польша – большое дело! Но как организовывали правительства в Бельгии, Франции, Греции и др., мы не знаем. Нас не спрашивали... Мы не вмешивались, так как это зона действий англо-американских войск”.

Это было сказано незадолго до планировавшейся Ялтинской встречи.

И действительно, ни у Черчилля, ни у Рузвельта не оказалось каких-либо весомых аргументов, чтобы возразить Сталину на это. Они фактически признали за СССР право наводить порядок в своём тылу и подавлять польское военное подполье.

Но перед самым началом Крымской конференции англичане решили своими силами узнать, что же происходит в Польше, видимо, не доверяя полностью рапортам, получаемым от эмигрантского правительства. В Польшу была послана специальная миссия из шести английских офицеров.

Тогда никому не было ещё известно, что готовится Ялтинская встреча. Видимо, Черчилль и Рузвельт хотели перед ней как можно больше узнать о настроениях в Польше, поскольку не доверяли разведке АК, а также не хотели быть зависимы от замыслов польского эмигрантского правительства.

Миссия, получившая криптоним “Фрестон”, отправилась из Англии кружным путём на авиабазу в Бриндизи, на юге Италии. Именно отсюда англичане должны были вылететь в Польшу, где их планировали выбросить с парашютами в районе Ченстоховы.

26 декабря 1944 года четырёхмоторный “Либереитор”, поднявшись с аэродрома в Бриндизи, взял курс на Польшу. Это была трасса №3, точно на северо-восток.

Самолёту надо было пересечь Адриатику, пролететь над центральной Югославией, Венгрией и Словакией. Протяжённость трассы в один конец составляла 1400 километров. Расстояние вполне нормальное для тяжёлого самолета. И достаточно безопасное, там не было особо сильного противодействия систем германских ПВО. Район сброса парашютистов, зашифрованный как “Огурцы”, находился километрах в тридцати восточнее Ченстоховы.

“Либереитор” очень точно вышел на цель, внизу зажгли партизанские костры. Через несколько минут в воздухе повисли парашюты с членами миссии и грузовые, со снаряжением и боеприпасами. Сделав круг над местом выброски и убедившись, что все приземлились, “Либереитор” покачал крыльями и взял курс назад, на свою базу.

Внизу уже ждали аковцы из охраны места высадки. Охрана была очень солидной и прекрасно вооружённой. Этой миссии руководство АК придавало огромное значение и очень беспокоилось о её безопасности.

Англичан на санях отвезли в небольшое деревушку Катажина километрах в 20 от Радомска. Там, в небольшом помещицком домике ждала радушная хозяйка — пани Дембовская, вся светящаяся от широкого польского гостеприимства. На следующий день члены миссии начали проводить встречи и вести так называемые зондажные беседы с офицерами и солдатами АК.

Все разговоры шли с помощью переводчиков с польской стороны, но англичане скрывали, что среди них был один — некий капитан Кюри, а на самом деле поляк А. Поспешальский, который, естественно, знал польский. Не доверяли англичане аковцам.

Члены миссии хотели получить представление о царящих в Польше настроениях, проблемах, трудностях и т. п. Это сразу показалось полякам странным. Ведь всё было так не похоже на военный характер миссии. По несколько раз в день англичане связывались с Лондоном (они привезли с собой две мощные радиостанции).

Приближался последний день 1944 года. Скоро наступит новый, 1945 год, и это надо было отметить особо, ведь война уже приближалась к концу. Все ожидали её окончания, но одновременно были до определённой степени обеспокоены дальнейшей судьбой Польши.

В поместье семейства Дембовских активно готовились к новогоднему приёму и встрече партизан согласно традиции — у ёлки. Оккупация оккупацией, но стол польский должен быть по обычаю обилён. На покрытом слоем сена столе, на белой скатерти должно быть не менее двенадцати блюд.

И в то время как проходили встречи и беседы со старшими офицерами местного округа АК, прибыло ещё несколько командиров из отдалённых отрядов.

Тем временем ёлку уже нарядили. Рядом с обычными игрушками — шариками, ангелочками, свечками — на ней были развешаны символы “Борющейся Польши”. Это выглядело очень патриотично.

По военному времени алкоголя за праздничным столом почти не было. Выпили по символическому стаканчику за Новый год, спели несколько новогодних колядок и партизанских песен.

Настроение у всех стало приподнятым. И с той, и с другой стороны произносятся тосты. Англичане произносят тост, где вместе с западными руководителями упоминается и Сталин. Этот тост был встречен всеобщим молчанием, но зато следующий — за короля Георга — сопровождался буйными оvationами.

Англичане не могли понять... Им отвечают: “Мы знаем, что сделали Советы с нашими товарищами из АК в Вильно, во Львове и с 27-й волынской дивизией АК; и как только они прорвут фронт на Висле — и нас то же ждёт...”

Англичане старались убедить: “Как же вы можете так говорить — ведь это наши союзники?” Но это было бесполезно. Английская толерантность и чувство справедливости и объективности столкнулись с польской упёртостью и русофобией.

Последовали тосты “за польско-английскую дружбу”, пожелания “счастливого Нового года в свободной и независимой Польше”, произносились и другие приятные слова. Сразу же после полуночи разошлись отдыхать, командиры из других отрядов в сопровождении хорошо вооружённой охраны на санях отправились к себе.

Первый день Нового года — ясный и с небольшим морозом — начался необычной тишиной. Лишь откуда-то издали раздавался редкий собачий лай. Охрана бдительно неслась службу. О безопасности миссии позаботились хорошо. Сорок пять человек, отлично вооружённых, — противотанковые ружья, автоматы и винтовки, у каждого — пистолет и несколько гранат. Был и ещё один отряд охраны, внешнее кольцо, тоже прекрасно вооружённый.

Уже совсем развиднелось, когда находившийся на окраине села сторожевой пост сообщил о приближении колонны немецких войск, в которой было три танка, несколько гусеничных бронетранспортёров и мотоциклисты.

Стало ясно, что хорошо сработала немецкая агентурная разведка. Кто-то из поляков-предателей успел сообщить о месте нахождения англичан.

Объявили боевую тревогу всей охранной роте. Англичане, проснувшись, приступили к бритью. О ситуации доложили начальнику миссии. Полковник Хадсон, не прерывая бритья, флегматично осведомился о раскладе сил с обеих сторон. Когда он услышал о танках и бронетранспортёрах, то приказал уничтожить радиостанции и шифры, сжечь все документы и сдаваться.

Услышав подобное, командир роты охраны поручик “Варта” (Юзеф Котецкий) не смог сдержать своего негодования. Он весьма энергично ответил английскому полковнику, причём по-русски, поскольку в польском языке таких правильных слов нет.

Побагровевший переводчик с трудом и очень приблизительно перевёл: “Здесь — Польша! И я, как отвечающий за охрану миссии, именно я принимаю тут решения. О сдаче в плен не может быть и речи. Немцы нас в плен не возьмут, а просто расстреляют. Это вас поместят в комфортабельные условия и будут пичкать конфитюрами и шоколадом из посылок Красного Креста”.

Энергичная и своевременная речь убедила англичан. Они также взяли за оружие. Подпустив немцев примерно на сто метров, польские партизаны открыли огонь. Немцы никак не ожидали, что у поляков имеются противотанковые ружья и тяжёлые пулемёты. Их атака захлебнулась.

Потом, после боя, англичане всячески расхваливали боевой пыл поляков, а полковник Хадсон клятвенно пообещал, что все участники боя будут награждены английскими медалями.

Прошло уже много времени с тех пор, многие участники боя покинули этот мир, но английских медалей не получил никто.

Третьего января на встречу с членами миссии прибыл Главный комендант АК — генерал “Недзвядек” (“Медвежонок” — Л. Окулицкий).

После продолжительной беседы с англичанами генерал вышел в лес на короткую прогулку. Его сопровождал поручик “Варта”. Он потом рассказывал: “В определённый момент генерал взял меня за руку и произнёс: “Знаете, поручик, я ошибся, нам не на кого рассчитывать”, — и покачал головой”...

Поручик не посмел расспрашивать генерала. В тот момент он только остро почувствовал, что польский вопрос на международной арене не выглядит благоприятно.

Пятнадцатого января началось грандиозное советское наступление в районе Вислы, через два дня был занят район Ченстоховы и Радомска, а семнадцатого освобождена Варшава.

Теперь генерал Окулицкий утратил всякую возможность связаться с английской миссией. И девятнадцатого января Главный комендант АК писал на железнодорожном вокзале Ченстоховы свой последний приказ о роспуске АК. Английская миссия в полном составе промаршировала в ближайшее местечко Житно, где и явилась в советскую комендатуру. Через несколько дней англичан отправили в Москву, а оттуда в Лондон.

5. Польский вопрос как “головная боль человечества”

4 февраля 1945 года в Ялте открылась вторая конференция руководителей правительств трёх великих держав. Она продолжалась до 11 февраля. Среди важных проблем войны и послевоенного устройства мира обсуждалась и проблема Польши.

При этом касались вопросов её границы. С восточной границей Польши западные союзники были давно согласны. Поэтому сейчас Рузвельт особый упор сделал на состав будущего польского правительства. Это была последняя попытка западных стран надавить на Сталина.

7 февраля Рузвельт говорил: “Больше всего интересует нас вопрос о польском правительстве”. Но он лукавил. Для американского президента не была важна та или иная граница Польши. Не интересовала его легальность или долгосрочность того или иного польского правительства, поскольку известно, что в Польше в течение нескольких лет правительства не было вообще, и это никого не беспокоило.

На заседании в Ливадии 6 февраля Рузвельт заявил, что в США проживает 5-6 миллионов лиц польского происхождения, и его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. И тут же довольно лукаво добавил: “С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы “не потерять лицо”.

Сталин не мог пропустить случая, чтобы не вставить вопрос:

— О каких поляках идёт речь? О настоящих или эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт искусно вывернулся, говоря, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти “своё лицо”. Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Его положение как президента было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить “лицо”, то есть уступило бы полякам Львов и нефтяные районы на юго-востоке от Львова. Он, Рузвельт, не настаивает на своём предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание.

Наиболее же существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства в Польше (и это было самым главным; по поводу Львова — это так, реверанс в сторону поляков).

Однако Рузвельт считал, что “США, Англия и Советский Союз могли бы помочь Польше создать временное правительство до того времени, пока не появится возможность произвести свободные выборы в стране. В этом направлении следует сделать что-то новое, что-то подобное струе нового свежего ветра в этом тёмном вопросе...”

В Ялте Рузвельт предложил принцип проведения многопартийных выборов на освобождённых Красной армией землях и формирование коалиционных правительств (с фактической ориентацией на Запад). Это было бы приемлемым для Советского Союза лишь на переходный период после поражения гитлеровской Германии. Но, как в те дни заметил Молотов, коалиционные правительства в Восточной Европе долго не протянут.

Сталину было хорошо известно, что ни у американцев, ни у англичан нет чёткой политики в отношении послевоенного будущего стран Восточной Европы. У союзников не существовало ни согласованности в этом вопросе, ни специальной программы. Всё, чего они хотели, — это вернуть к власти в Польше и Чехословакии правительства, находившиеся в изгнании в Лондоне.

Всё это говорило о том, что существовала возможность обеспечить в Ялте приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в послевоенной Европе и на Дальнем Востоке. В Ялте согласились — и Сталин тоже, — что польское правительство в изгнании должно получить в новом коалиционном правительстве Польши несколько важных постов.

Позиции союзников относительно организации такого правительства и его персонального состава первоначально сильно расходились. Но дебаты в Ялте завершились тем, что Рузвельт и Черчилль уступили Сталину: было решено видоизменить существующее в Варшаве с января 1945 года правительство, где все решающие посты занимали коммунисты, включив в него несколько представителей либеральной демократии, “лондонцев”.

Но Ялтинская конференция не определила персонального состава этого нового правительства. Было решено уполномочить наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, послов США и Великобритании в СССР А. Гарримана и А. Керра сформировать состав этого правительства. Была создана так называемая “комиссия трёх”.

И на заседаниях конференции, и потом, на заседаниях этой новой комиссии называлось много имён деятелей польской эмиграции и подполья, которых желательно было, по мнению западных союзников, ввести в состав польского правительства.

Советские дипломаты резко возражали против приглашения на переговоры и в состав будущего правительства крупных деятелей крестьянского движения В. Витоса (из Польши) и С. Миколайчика из Лондона. Советская сторона требовала в качестве неперемennого предварительного условия публичного признания ими итогов Ялтинской конференции по польскому вопросу — признания границ и участия коммунистов в правительстве.

Точку во всех разговорах о “судьбе Великой Польши” поставило выступление Сталина 6 февраля 1945 года на одном из заседаний Ялтинской конференции, где рассматривался вопрос о Польше. Советский лидер изложил своё видение этого вопроса, а также познакомил с целями СССР в Польше. Эта позиция, поданная чётко и понятно, убедила и Черчилля, и Рузвельта. Она была изложена в отчёте о Ялтинской конференции.

Позиция эта была настолько логична и исторически правильна, что в Польше до сих пор предпочитают о ней умалчивать — слишком уж она разоблачает лондонских польских делегатов. Вот подлинная стенографическая запись речи Сталина:

“Как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для Британского правительства является вопросом чести. Это понятно. Со своей стороны, однако, я должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили чрез Польшу? Прежде всего, потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надёжно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения её независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу.

Теперь о некоторых более частных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Президент предлагает, чтобы Советское правительство уступило полякам Львов и некоторую часть Львовской области. Черчилль считает, что такой шаг был бы жестом великодушия со стороны СССР. Однако должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведёте нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надёжными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом я вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами

продолжиться ещё немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счёт Германии на Западе.

Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал меня, какую границу Польши на Западе признает Советское правительство? Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Нейсе: одна из них протекает более к востоку, около Бреславля, а другая — более к западу. Я считаю, что западная граница Польши должна идти по западной Нейсе, и прошу Рузвельта и Черчилля поддержать меня в этом.

Другой вопрос, по которому я хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании Польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Думаю, что Черчилль оговариваясь: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют меня диктатором, считают меня не демократом, однако у меня достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать Польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия. Подходящий момент для этого был прошлой осенью, когда Черчилль приезжал в Москву и привёз с собой Миколайчика, Грабовского и Ромера. В Москву тогда были приглашены и представители люблинского правительства.

Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон с тем, чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации Польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из Польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством. Нынешнее Польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем, против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остаётся в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников. При таких условиях как их объединить? Я этого не знаю.

Руководящие лица варшавского правительства — Берут, Осубка-Моравский и Рорля-Жимерский — не хотят и слышать о каком-либо объединении с Польским правительством в Лондоне. Я спрашивал варшавских поляков, на какие уступки они могли бы пойти? Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский, но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был премьер-министром. Я готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть, вызвать сюда варшавских поляков? Или, может быть, вызвать их в Москву и там с ними поговорить?.. Во всяком случае, я с чистой совестью могу сказать, что новое варшавское правительство, возглавляемое Берутом и Моравским, имеет никак не меньшую демократическую базу, чем, например, правительство де Голля.

В заключение я хотел бы коснуться ещё одного вопроса, очень важного вопроса, по которому буду говорить уже в качестве военного. Чего я как военный требую от правительства страны, освобождаемой Красной армией? Я требую только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов, для военных довольно безразлично, какое это будет правительство, важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися “силами внутреннего сопротивления”. Как военный, я сравниваю деятельность тех и других и при этом неизбежно прихожу к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной армии, а от “сил внутреннего сопротивления” мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти “силы” уже успели убить 212 военнослужащих Красной армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы

о регистрации радиостанций на освобождённой Красной армией территории. “Силы внутреннего сопротивления” нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Я должен прямо заявить, что, если эти “силы” будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать. В конечном итоге, с чисто военной точки зрения, варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело”.

Черчилль пытался возражать, говоря, что у Советского правительства и Британского правительства различные источники информации. Мол, Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 1/3 польского народа. Таково мнение Британского правительства. Но тут же признал, что нападения на Красную армию в тылу недопустимы.

И сразу же, явно пытаясь сохранить лицо, заключил, что Британское правительство не считает, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя опирающимся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у Британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небезупречна...

Этим британский премьер полностью признал правоту Сталина и косвенно — своё поражение.

Молча слушавший всё это президент Рузвельт закончил встречу фразой, ставшей знаменитой: **“Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль...”** И Черчилль, стараясь, чтобы последнее слово на этом совещании осталось за ним, заключил: **“Надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству”**.

И всё же Черчилль решил взять реванш. На встрече со Сталиным 10 февраля, в присутствии Молотова и Идена, он с деланной озабоченностью заявил: **“Я буду откровенен. Я не знаю, что происходит в Польше, и в отношении информации о событиях там целиком завишу от милости Польского правительства. В результате этого поляки в Лондоне широко распространяют свои версии событий в Парламенте. Я хочу защитить общее положение. Как я могу это сделать, если не осведомлён о действительном положении в Польше? Меня могут спросить в Парламенте, могу ли я послать людей в Польшу? И мне придётся ответить на этот вопрос отрицательно. Это будет содействовать распространению польских сплетен в Англии”**.

Черчилль откровенно хитрил и хитрил целенаправленно. Что происходит в Польше, он знал прекрасно. Уже две недели, как английская миссия “Фрестон” возвратилась с помощью советских властей на остров, и Британское правительство получило весьма подробный отчёт о происходящем в стране. Сведения были самыми свежими и полными.

Знал Черчилль и о том, что всё это прекрасно известно Сталину. Но ему надо было сделать жест. Он уже сейчас думал о будущем, о предстоящих выборах, о привлечении новых сторонников и не желал терять старых. Надо было показать, как он постоянно и неуклонно борется за польские интересы. Хотя эти интересы он давно уже предал и саму Польшу благополучно сдал. Но он был опытным политиком. Сталин это прекрасно понимал и даже где-то подержал игру Черчилля. Потому на заключительную фразу английского премьера о том, что **“Британское правительство, естественно, разрешило бы посылку советской миссии в любое место в тылу союзных войск, будь то в Греции, Италии или Фландрии”**, Сталин спокойно ответил: **“У де Голля есть свой представитель в Люблине. Может быть, Британскому правительству направить такого же представителя в Польшу? Можно, наконец, послать в Польшу корреспондентов. До сих пор Британское правительство не ставило этого вопроса перед Советским правительством. Но я думаю, что, если такой вопрос будет поставлен, то поляки не будут возражать”**.

Этим Сталин ещё раз подчеркнул главам западных держав: в Польше есть правительство, оно законное, и вести переговоры и получать сведения о положении в стране нужно только от него.

И Черчилль, и Иден пытались ещё настаивать на посылке своих представителей в Польшу до решения вопроса о составе нового правительства, заявляя, что им необходимо иметь информацию для доклада в Парламенте. И снова столкнулись с твёрдой позицией советской стороны. Сталин заявил: *“У Британского правительства в Польше будет посол, и у посла будут сотрудники”*, — дав тем самым ясно понять: в Польше есть законное правительство, сотрудничайте с ним. . .

И в тот же день Молотов вручил Гарриману и Идену специальное заявление Советского правительства:

“Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом, в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, имеющее дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, а также Правительства Великобритании и США установят с Польским Временным Правительством Национального Единства дипломатические отношения”.

По вопросу границ Ялтинская конференция постановила: *“На востоке граница должна идти по линии Керзона с отклонениями в определённых местах от 5 до 8 километров в пользу Польши”*.

И ещё было признано, — что очень важно: *“Польша должна получить существенное территориальное приращение на севере и на западе”*.

Ялтинское соглашение, где официально был зафиксирован послевоенный раздел мира между США, Англией и СССР, явился признанием СССР великой державой. После Ялты Россия стала одним из центров мировой политики, от которого зависело будущее всего человечества и судьбы мира.

Точка была поставлена. Все попытки англичан попытаться спасти польских эмигрантов окончились неудачей. Впрочем, британцы не очень-то и старались.

6. Неизбежность перемен

В “польском” Лондоне, когда узнали о решениях Ялтинской конференции, начался визг. Господа в потёртых фраках выпустили заявление — призыв к общественному мнению мира, своеобразный вопль отчаяния, который напечатало полуофициальное польскоязычное издание *“Дженник польский и дженник солдата”*.

Самый главный пункт этого вопля гласил: *“Решения конференции трёх, касающиеся Польши, не могут быть признаны польским правительством и не могут обязывать польский народ. Отрыв от Польши восточной половины её территории путём навязывания так называемой линии Керзона в качестве польско-советской границы польский народ воспринимает как новый раздел Польши, на этот раз произведённый союзниками Польши”*.

У поляков, как всегда, оказалась короткая память. Они совершенно “забыли”, что с линией Керзона они полностью согласились ещё в 1921 году во время переговоров в Риге после окончания советско-польской войны.

Заявление это появилось в печати после 12 февраля. Но англичане к тому времени уже совершенно перестали считаться с правительством Арцишевского.

Черчилль, вернувшись в Лондон, говорил на заседании правительства (военного кабинета) 19 февраля, что он *“вполне убеждён в доброй воле Сталина по отношению к миру и к Польше”*, и не думает, чтобы *“Россия могла бы иметь что-либо против постановлений, какие были приняты по вопросу о свободных и честных выборах в этой стране”*. То же самое он заявил через неделю в Палате общин. Узнав об этом, эмигрантское правительство всё поняло и стало всерьёз задумываться о своём будущем. Похоже, что вскоре англичане перестанут его признавать; надо было задуматься и о судьбе архивов, обеспечении государственных чиновников, о средствах для *“продолжения работы в изгнании”*.

А тут ещё 20 февраля пришла из Польши радиограмма от Янковского, шокированного решением и заявлением лондонцев. Он писал: *“На что рассчитывает правительство, отметая решения Ялтинской конференции? Каков план его действий?”* И заканчивал: *“Ваше молчание губительно”*.

Аналогично англичанам на польские события реагировали и в США. Ещё в Ялте Рузвельт подчеркнул, что *“Польша представляет потенциальный источник беспокойства в послевоенной Европе”*.

Направленный в США ещё генералом Сикорским для связи с Объединенным комитетом начальников штабов полковник Л. Миткевич за военной точностью и полной определенностью описал состояние мнений по польскому вопросу в США: расчёты на быстрое изменение расклада сил и на быстрый вооружённый конфликт между Западом и Советской Россией ошибочны...

В этом раскладе международных сил Польша не может рассчитывать на практическую и непосредственную помощь в организации её жизненных вопросов со стороны Соединённых Штатов и Великобритании.

Вместе со всеми народами средне-восточной Европы – три балтийских государства, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Австрия, Югославия, Болгария и, скорее всего, Греция и Польша, окажутся в сфере исключительной доминации российских интересов.

Следует признать верным, что народы средне-восточной Европы под давлением действий советского аппарата вынуждены будут принять очень серьёзные изменения общественного строя, чтобы стать похожими на остальную часть Советского Союза. Совершенно неизбежно, что в этих переменах примут очень серьёзное участие самые крупные в этих странах рабоче-крестьянские массы. Существуют все данные, благоприятствующие революционным движениям в средне-восточной Европе, особенно в Польше, Румынии и Венгрии, особенно с точки зрения аграрного вопроса.

Всё это было очень верно подмечено и правильно проанализировано.

7. Решение будет принимать Москва

Политические предводители уже почти несуществующего “подпольного государства” тоже хотели обозначить своё место и роль в новой ситуации, созданной решениями Ялтинской конференции.

28 января 1945 года генерал Татар получил послание генерала Окулицко-го: *“...предвижу, что Крайовый совет министров (подпольный) выйдет из подполья в момент создания в Москве Совета национального единства; также предвижу, что последует давление со стороны Крайовой рады министров, чтобы я тоже вышел из подполья. Но я хочу остаться в подполье и бороться за свободную Польшу. Выйду из подполья только после явного приказа. Прошу сообщить оценку ситуации и дать указания”*.

Окулицкий очень точно определил, что происходит. Лондонцы, находящиеся в Польше, решили выйти из подполья очень быстро.

Радиограмма генерала подействовала. Правительство в Лондоне согласилось с тем, что Окулицкий не должен выходить из подполья. А правительство пусть выходит, но оставит заместителей в конспирации, на всякий случай.

21 февраля Черчилль принял генерала Андерса. До этого – за день – он совещался с Миколайчиком. Андерс записал по памяти разговор и приводит его в своих мемуарах, довольно, впрочем, сомнительных во всех отношениях.

“Черчилль: Вы недовольны результатами Ялтинской конференции?”

Андерс: Мало сказать, что я недоволен. Считаю, что произошло огромное несчастье. Такого решения вопроса польский народ не заслужил, и мы, борющиеся здесь, не могли этого ожидать (...).

Черчилль (очень возбужденно): Вы сами виноваты. Я уже давно уговаривал вас решить вопрос с границами с Советской Россией и передачей ей земель на восток от линии Керзона. Если бы вы меня послушали, всё дело выглядело бы сегодня иначе. Мы восточных границ Польши никогда не гарантировали”.

Андерс сидел молча, да и что он мог сказать? Его попытка стать политиком не удалась, как и попытка стать полководцем.

19 марта Кларк и Гарриман представили Молотову совместную ноту, в которой излагалась точка зрения на работу “комиссии трёх”. Английский посол упоминал среди лиц, намеченных к переговорам в Москве, и Миколайчика, который, несомненно, должен там быть, поскольку в Соединённом королевстве он считается выдающимся польским демократическим деятелем и его биография свидетельствует, что он желает решения польских проблем в духе “дружбы и союза с Советским Союзом”.

Молотов ответил послам 22 марта.

Советский нарком сомневался, что Миколайчика можно причислить к числу демократов, и представил собственный сценарий дальнейшей работы:

основу нового правительства может составлять только Временное правительство, с его представителями должна состояться первая консультация, и только тогда появится возможность пригласить в Москву тех поляков, которые получают общую поддержку комиссии, и, наконец, в четвёртой фазе — возможное приглашение следующих, других польских политиков.

В эти же дни польский дипломат в Вашингтоне Я. Вшелакий в своём письме лондонцу А. Тарновскому так оценивал место польских дел в американской политике: *“В игре больших интересов между государствами польская карта является одной из многих, которые использует американская политика. Не только те или иные границы Польши, но даже независимость её не являются жизненным американским интересом”*.

У польского дипломата не было никаких иллюзий. Он не сомневался, что “спекуляция на войне Америки с Россией, которыми периодически занимаются лица, наделённые буйной фантазией, является бесплодной”.

Это было написано в апреле, уже после смерти Рузвельта.

Сталин давно хотел дать понять, и довольно решительно, что в сфере влияния Советского Союза решение по всем важнейшим вопросам будет принимать Москва. И он это сделал — достаточно спокойно, но весьма твёрдо.

Как сказал Сталин, в странах, освобождаемых армией того или иного государства, в конце концов, должен образовываться такой порядок, который эта армия принесла с собой. Это поняли и в Лондоне, и в Вашингтоне. Но до господ в потёртых фраках из лондонского польского гетто это явно не дошло.

8. “Подпольное государство” и его армия

27 сентября 1939 года в Варшаве была образована военно-политическая организация “Служба победы Польши” (СПП). Её возглавил генерал М. Токажевский-Карашевич. Но она просуществовала совсем недолго. Премьер правительства и главный вождь В. Сикорский организовал свой Союз вооружённой борьбы (в Париже). Это было замыслено как чисто военная организация с заданием ведения войны, объединения военных усилий всех патриотических групп и подготовки решительной схватки с оккупантами. Основу этой организации составляли офицерские кадры СПП.

Польские политики не захотели оставаться в стороне от военных и в феврале 1940 года создали Политический согласительный комитет. И, наконец, в декабре 1940 года начала действовать организация под названием “Делегатура правительства в стране”.

Все три эти структуры создали “подпольное государство” (хотя само это название стали использовать лишь несколько лет спустя), которое, несмотря на террор оккупантов, в течение нескольких лет неустанно росло и усиливалось, стало обладать собственной хорошо законспирированной армией, подпольной системой образования и культуры, судебными органами и полицией, даже разветвлённым административным аппаратом (в основном, на территории генерал-губернаторства), готовящимся к планируемому всеобщему вооружённому восстанию и к деятельности после освобождения Польши от оккупации.

Вооружёнными силами подпольного государства была Армия Крайова — так её стали называть с 14 февраля 1942 года вместо армии СВБ. Задачи АК определялись как “борьба за восстановление государства с оружием в руках”. Кроме того, аковцы занимались разведывательной деятельностью в пользу англичан.

К активным военным действиям аковцы стали переходить после перелома в войне на советско-германском фронте. Пока же действовал приказ: “Оружие к ноге”. Если бы не победы советского оружия, польское так бы и осталось “у ноги”.

Но официально о существовании этой подпольной армии сообщил премьер Миколайчик лишь 6 января 1944 года, выступая в польской программе “Би-Би-Си”. Кроме того, он сообщил, что с 1 сентября 1942 года в Польше действует делегат правительства РП, имеющий все необходимые полномочия. Этим делегатом был Я. Янковский (“Соболь”). У него были заместители в ранге министров.

По мере приближения Красной Армии к польским границам приоритетной стала политическая составляющая в деятельности АК — обеспечить установ-

ление власти эмигрантского лондонского правительства на довоенных территориях и не допустить создания там правительства, лояльного СССР. Лондонцы желали освобождения Польши только с Запада. Освобождение с Востока расценивалось ими как угроза концепции восстановления территориальной целостности Польши в довоенных границах и реальная угроза национальной независимости в случае её советизации и допуска к власти коммунистов.

Вопрос о деятельности, да и просто о существовании Армии Крайовой, как выражались и теперь выражаются польские публицисты, “в период вторжения Красной армии” (вот уж чьему бесстыдству и лицемерию можно позавидовать!), рассматривался в Лондоне на довольно раннем этапе. И тут – редкий случай! – польских эмигрантских политиков и их представителей, находившихся в стране, чувство реальности не подвело.

В ноябре 1943 года генерал Коморовский попытался объяснить генералу Соснковскому, что “сокрытие и нахождение в конспирации нашей сейчас широко разветвлённой организации будет невозможно под советской оккупацией. Практически я ограничу количество следуемых объявиться руководителей и частей до необходимого минимума. Остальные попытаюсь сохранить с помощью формального роспуска. В глубокой тайне подготавливаю, на случай второй российской оккупации, союзную скелетную руководящую сеть новой тайной организации для распоряжения пана генерала (...). Это будет отдельная сеть, не связанная с широкой организацией Армии Крайовой”.

Проще выражаясь, существование под немецкой оккупацией никакой серьёзной угрозы для польских “подпольщиков” не представляло. С немцами они всегда умели договориться. Но русские возбуждали у них не только ненависть, но и неприкрытый страх!

Поэтому уже осенью 43-го года руководство АК рассматривало новые варианты деятельности своей организации, в которой, по крайней мере, два элемента были уже очевидны: формальный роспуск АК и создание значительно более крупной по кадровому составу руководящей сети новой организации. Эта сеть должна была состоять из офицеров АК и была бы заполнена в случае необходимости членами “формально распущенной” Армии Крайовой. Работа в этом направлении позволила создать в мае 1944 года руководящий орган организации “Не” (сокращение от “Неподлежность” – “независимость”).

В тот период, по польским весьма оптимистическим оценкам, численность АК составляла около 120 тысяч человек, объединённых в 2500 взводов. Но, как оценивал генерал Окулицкий, в конце 1944 года “Армия Крайова находилась в состоянии глубокого кризиса. Падение и разрушение Варшавы – центра польской национальной жизни, которая своим примером руководила страной почти пять лет оккупации, – не могло не оставить своего следа на всём остальном обществе. В общественности стали расти и шириться настроения пораженческие, которые не пощадили даже ряды Армии Крайовой”.

Эти оценки Окулицкий представил в начале декабря 1944 года. Заметил генерал и появление в обществе новых настроений и новой действительности, связанной с деятельностью “Люблинской Польши”.

Однако ценой огромных усилий Окулицкому удалось воссоздать структуры АК, его Главной комендатуры, хотя и в значительно более скромном размахе, чем это было весной 1944 года. Из Лондона было получено указание усилить работу конспиративных организаций на территориях, освобожденных Красной армией.

Было прислано и решение по поводу аграрного вопроса. Там говорилось: “Всё, что происходит сейчас, это временное состояние, а новых владельцев земли следует считать её поверенными до момента окончательного решения этого вопроса согласно с волей легального представительства Нации”.

Такое явно не понравилось бы большинству сельского населения.

Конечно, ПКНО был ещё слаб, но за ним была Красная армия, и верно заметил Миколайчик 27 октября 1944 года, что он (комитет) “находится в стране и всё активнее развивает свою деятельность”.

Всё, происходившее в Польше, находилось под внимательным контролем англичан. Британской контрразведке нужно было читать почту стран-союзниц и правительств государств, находящихся в эмиграции в Лондоне. А переписка эта в годы войны велась интенсивно. И сведения там были ценные. Иногда удавалось что-то добыть, что-то переснять. Но как сделать этот источник информации постоянным?

Начальнику одного из отделов английской разведки Ми-5 Энтони Блайту (одновременно он был агентом НКВД) удалось решить эту задачу.

Под разными предлогами задерживали отправку самолётов. Дипкурьерам предлагали на это время поместить почту в сейф аэропорта, самим его опечатать и отдохнуть в гостинице. Через несколько часов эти же дипкурьеры открывали сейф, вынимали его содержимое и готовились к вылету — всегда срочному. Команда Блайта за это время быстро открывала сейф и дипломатические вализы и переснимала документы. Документы из Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Чехословакии и Польши поступали в Москву. Наибольший интерес представляла переписка польского эмигрантского правительства. Были вербовки и польских министров.

9. “С оружием в руках выступают против Красной армии...”

Ещё на Крымской конференции глав великих держав И. Сталин говорил о “возникновении гражданской войны позади нашей линии фронта”.

В польском подполье было накоплено большое количество оружия, что после поражения Варшавского восстания (август-сентябрь 1944 года) привело к утрате контроля руководством “подпольного государства” над вооружёнными отрядами и использованием оружия. Часть отрядов АК включилась в систематическую вооружённую борьбу против новой власти, часть оставшихся в подполье вооружённых людей занималась грабежом, поборами, громила продовольственные и оружейные склады, административные учреждения, отделения милиции.

В тылу советских войск на уже освобождённых польских землях начались активные действия аковцев против представителей новой власти и особенно — против советских воинов-освободителей.

Донесения НКВД по этому вопросу начались сразу же после вступления в Польшу советских войск.

“16 октября 1944 года.

В Холмском уезде действуют отряды АК (...). Эти отряды совершили более 10 вооружённых нападений. Убито 15 человек из числа местных работников.

В Замостьяном уезде повстанцами убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной армии.

В Люблинском уезде действует отряд АК численностью до 300 человек. Совершено убийство пяти военнослужащих Красной армии.

В Владовском уезде сформирован отряд АК, насчитывающий 200 человек, совершено 6 убийств работников милиции.

В октябре-ноябре 1944 года враждебная деятельность организаций АК на освобождённой территории Польши по отношению к Советскому Союзу и Красной армии значительно возросла и приняла крайне острые формы.

Широко проводя сопротивление мероприятиям командования Красной армии по изъятию у населения оружия и радиоаппаратуры, по привлечению населения на оборонительные работы, по поставкам продовольствия и фуража, не стесняясь в грязной провокационной стряпне различных обвинений Советского Союза по отношению к Польше по указаниям свыше, местные органы АК приступили к широкому применению вооружённых нападений на воинские части и террористическим актам над офицерским и рядовым составом Красной армии.

Так, за время пребывания частей 1-го Белорусского фронта на территории Польши имели место 50 случаев террористических выступлений банд АК против военнослужащих Красной армии. Особенно много (33) их было в октябре и в начале ноября (11).

Как наиболее характерные случаи террористических выступлений необходимо отметить следующие:

13 августа в м. Рыки Люблинского воеводства террористами убит капитан Красной армии Парамонов, 21 октября войсками НКВД по охране тыла в селе Тужисто Луковского уезда задержаны террористы из группы “Орлик” Пьентек и Антоневич, которые сознались в совершении и убийства капитана Парамонова.

1 октября в 21:00 произведено вооружённое нападение группы АК — 30 чел. — на пост №3 190-го дорожного комендантского участка, ранен начальник поста ст. сержант Зазябов.

5 октября группа диверсионно-террористического отряда "Загончик" в гмине Целеуев, идя на выполнение диверсионного задания, была остановлена патрулем ОКР "Смерш" 69-й армии. Во время проверки документов террористы напали на патруль и убили ст. сержанта Сокура, тяжело ранили старшину Вакуленко.

11 октября в районе дер. Радилово Холмского уезда участниками АК были схвачены и уведены в лес военный комендант гмины Жмудзь лейтенант Ветшохин и находившийся вместе с ним сотрудник милиции.

15 октября в Люблине проходил арtdивизион 892-го артиллерийского полка. Возле колонны проехала польская автомашина, из которой в колонну была брошена граната. Взрывом гранаты ранены зам. командира арtdивизиона по политчасти капитан Григорьев и командир батареи Бабенко.

В тот же день в Люблине была обстреляна автомашина командира арtdивизиона 92-го арtpолка майора Сытника, ранен шофёр.

18 октября в Люблине проходила колонна 323-го стрелкового полка. Колонну обогнала машина с флагом Войска Польского и умышленно врезалась в голову колонны, после чего скрылась. Ранение получили 6 военнослужащих.

19 октября участниками АК во время исполнения служебных обязанностей убит военный комендант гмины Тарло мл. лейтенант Куракин и милиционер местной милиции Озан, трупы которых бандитами были зарыты в землю.

При извлечении трупов установлено, что военный комендант Куракин, кроме пулевых ранений, имел два выбитых зуба, сломанную ногу и ранение головы от удара деревянным предметом, что свидетельствует о зверском издевательстве над ним.

22 октября участниками АК, бывшими сотрудниками милиции гмины Вырожемы, было совершено нападение на военного коменданта указанной гмины, в результате которого тяжело ранен военный комендант гмины капитан Осипов и старшина – работник комендатуры.

25 октября на хут. Липняк была направлена оперативная группа управления контрразведки "Смерш" фронта. При приближении к хутору оперативная группа подверглась неожиданному обстрелу, в результате которого тяжело ранен один боец, два бойца разоружены и два сотрудника милиции уведены бандгруппой в неизвестном направлении.

25 октября дозор разведывательно-пограничной группы под командой ст. лейтенанта Воронкова, находясь на южной окраине хут. Романовск (Рудник) по изъятию оружия, был обстрелян группой аковцев, в результате чего ранено 4 пограничника, в том числе и т. Воронков. Организовав преследование, дозор убил двух и задержал трёх аковцев.

29 октября в селе Гуры участниками АК из бандгруппы, руководимой поручиком "Опель", совершено вооружённое нападение на служебный наряд 127-го погранполка, в результате которого был ранен сержант Урвайцев.

30 октября комендант Устимовской волости Владавского уезда с красноармейцем Паршиным и представителем правительства УССР по переселению украинского населения выехал в деревню Красное и остановился у жителя этой деревни Пакуды для оформления документов по переселению. В 21:00 в деревню прибыло 7 подвод с аковцами, которые обстреляли и зажгли дом гр-на Пакуды, где погибли комендант Гуров, красноармеец Паршин, представитель по переселению Тарасов и семья Пакуды.

7 ноября в гор. Люблин была порвана связь между НП и огневыми позициями 3-го дивизиона 892-го артиллерийского полка. Для исправления линии была послана группа связистов, которую обстреляли неизвестные в 200 метрах от места обрыва. Ранен ст. сержант Зеленин.

8 ноября в гор. Парысув военным комендантом был задержан активный участник АК, который в сопровождении одного бойца направлялся в гор. Гарволин. В 13:00 при выходе из города Парысув двое вооружённых <аковцев> напали на конвоира, которого выстрелом из пистолета тяжело ранили в голову и, захватив задержанного участника АК, скрылись.

12 ноября во Владавском уезде в районе деревни Пшемярки вооружённая банда аковцев в количестве 15 человек напала на двух красноармейцев конского депо 7-го гвардейского кавалерийского корпуса Шурха В. И. и Гореликова Т. Д. Оба красноармейца убиты, захвачены лошадь, два седла, вооружение и обмундирование красноармейцев.

13 ноября комендант Воля-Верещагинской волости Владавского уезда ст. лейтенант Демяненко с группой милиционеров выехал в село Залучье для изъятия приёмника у поляка Грабовского. Выполнив задание и возвращаясь в волостной центр, Демяненко с группой милиционеров был обстрелян бандой АК, в результате обстрела убит Демяненко и 4 милиционера, труп Демяненко изуродован до неузнаваемости.

13 ноября в дер. Понеснерки Воля-Верещагинской волости Владавского уезда найдены трупы военнослужащих кавполка Епифанова и Максимова, которые работали в этом селе по заготовке сена.

20 ноября на восточной окраине Борки бандгруппа неустановленной численности из ручных пулемётов и пистолетов обстреляла колонну автомашин одной из частей Красной армии. Жертв не было. Задержано 6 бандитов.

Учитывая, что всё это не может не нарушать нормальной боевой деятельности войск фронта, уже представляет серьёзную угрозу благополучию и жизни отдельных военнослужащих Красной армии, считаю необходимым ещё более усилить меры репрессий ко всем аковцам, активно и с оружием в руках выступающим против Красной армии, о чём даны войскам и органам “Смерш” соответствующие указания.

Член ВС 1-го Б. Ф. г-л-т Телегин
25 ноября 1944 г.”

10. Первые успехи новой власти

Основными претендентами на вхождение в новое правительство стали лидеры “подпольного государства”. Те, кто находился в подполье пять лет и боролся в меру сил с врагом, совершенно обоснованно хотели принять участие в руководстве страной. Однако люди, находившиеся в польском пролондонском подполье, мало что знали о событиях текущей политики. Тем более — международной.

Впрочем, так было и раньше. Лондон видел в своих представителях в Польше лишь покорных исполнителей, но никак не самостоятельных политических деятелей, с которыми надо говорить на равных и постоянно информировать о последних политических событиях. Всё это очень не нравилось польскому подполью, а особенно Янковскому, который уже давно считал себя ключевой фигурой в стране. Ему уже не хотелось быть только лицом, передающим указания центра. Как его представитель, поддерживаемый к тому же политическими кругами в Польше, а с января 1944 года и Главной комиссией Совета национального единства, а также двумя первыми руководителями АК — Ровецким и Коморовским, — он стремился поднять ранг подпольного государства и, естественно, свой. Ему хотелось властвовать.

“Подковёрной” борьбой за власть он занимался с лета 1943 года и всю первую половину 1944-го. Но поражение Варшавского восстания и резко уменьшившаяся сила подпольного государства снова заставили его смотреть в сторону Лондона. Однако создание правительства Арцишевского при отсутствии в его составе Миколайчика и его партии “Стронництво людово” и то обстоятельство, что практически вся Польша была уже освобождена от немцев, решения Ялты, какая-то непонятная реакция на это “польского Лондона”, явное уменьшение доверия к правительству Арцишевского в стране и многое другое настойчиво заставляли думать о самостоятельных действиях.

Из Лондона ожидали получения серьёзной информации, денег, ясных доказательств, что правительство по-прежнему пользуется поддержкой англосаксов. Но с этим с каждым днём было всё хуже. Особенно беспокоило настроение населения в освобождённой Польше. Поначалу казалось, что позиция враждебности к коммунизму и Советскому Союзу станут постоянной чертой огромной части общественности, а новая система власти не пустит в общество глубоких корней. Так и сообщалось в радиограммах в Лондон.

И Гомулка в то время совершенно справедливо отмечал: “Борьбу с реакцией мы не в состоянии вести без Красной армии”. Но это было сказано чуть позднее, на пленуме ЦК ППС 20–21 мая 1945 года, когда АК всю развернула свою подпольную вооружённую борьбу против новой власти.

Действительно, в начале января особенно было видно, что общественная база новой власти была ещё довольно слабой. И если вывести советские войска, то своих, чтобы поставить на их место, ещё не было.

Безусловно, отношение к коммунистам и СССР было враждебным, но вскоре появились новые ноты. Генерал Окулицкий, умный и наблюдательный человек, сообщал в Лондон в самом конце января 1945 года (радиограмма была составлена через два дня после освобождения советскими войсками Варшавы): “Говоря о настроениях низов, мне кажется, что мы сейчас вынуждены соблюдать большую осторожность в формулировке директивных указаний относительно бойкотирования Временного люблинского правительства”.

И в эти же дни (25 января) Адам Бень отправил в Лондон радиограмму довольно панического содержания: “По оценке Главной комиссии Совета национального единства, в обществе наблюдается всеобщая тенденция к работе в правительственном аппарате (создаваемом Люблинским временным правительством). Впереди интеллигенция разных политических направлений. Они действуют как по идейным, так и по оппортунистическим побуждениям”.

Действительно, гигантская работа нового правительства и его несомненные успехи были видны. Это действовало, как магнит. У людей появилась воля и желание участвовать в подъёме страны из руин, восстановлении фабрик, шахт, школ, налаживании всей жизни.

И эти изменения во взглядах людей становились всё заметнее. Пролондонские настроения ещё существовали, но они уменьшались с каждым днём. Очень большое воздействие на польский крестьянский люд произвела земельная реформа.

Свои замечания выслал в Лондон и Янковский. В депеше от 15 февраля он писал: “Деятельность временного люблинского правительства характеризуется исключительной невозможностью господствовать над ситуацией, царит хаос и отсутствует плановость в работе. . . К армии Жимерского на парадах общественность относится с равнодушием, с интересом присматриваясь к исхудалым лицам солдат и их порванным сапогам. . . рабочие и крестьянские массы разочарованы в новом оккупанте. . .”

Но заключает свою радиограмму Янковский по-иному, совсем с другим настроением: “Интеллигенция, прежде всего, высшая, не выдерживает. Соглашается на сотрудничество и предлагаемые посты. Бывают случаи, что и сотрудники Делегатуры делают то же самое. 6-й год неопишимо трудных условий жизни и труда, а также наша безнадежная политическая ситуация ломают людей даже достойных, желающих какого-то завершения”.

Вот каким был климат, в котором Янковский и члены подпольного правительства принимали в феврале и марте решения, завершавшие их деятельность.

(Окончание следует)